

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
им. М.В.ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ФАКУЛЬТЕТ

119992 Москва, Воробьевы Горы,
МГУ

1-й корпус гуманитарных ф-тов
Тел.: 939-32-77; Факс: 939-55-96; 939-
56-02

E-mail: logos@logos.msu.su;
logos@slovo.logos.msu.su

"20" мая 2014 г.

Отзыв
о диссертации Никольского Евгения Владимировича
на тему «Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции»,
представленной на соискание ученой степени доктора филологических наук по
специальности 10.01.01 – Русская литература

Главным и бесспорным достоинством рецензируемой диссертации является прежде всего четко и последовательно проводимая методология, в основе которой лежат лучшие традиции отечественной культурно-исторической школы: скрупулезный подход к сбору и систематизации фактов, внимание к живой материи историко-литературного процесса, умение сквозь призму судьбы и творчества на первый взгляд невыдающегося литератора выявить важные тенденции литературного развития. Е.В. Никольский сумел в полной мере реализовать эти методологические принципы, что способствовало успешному достижению поставленной цели и решению выдвинутых задач. Ему удалось в полной мере представить ди-

намику творческих исканий Всеволода Соловьева через призму исследования жанровых форм и в зависимости от исторического контекста. И памятуя, что в отечественном литературоведении выделяются в общих чертах два типа творческой эволюции: путь как позиция, когда акцентируется внимание на творческих принципах, определяется лицо писателя, его художественный мир, его идеи, ценностные ориентации, и путь как развитие, духовные искания, изменения, впитывающие в себя весь предшествующий опыт, на что и ориентировался Е.В. Никольский.

Актуальность его работы определяется растущим вниманием к документальной, «материальной» стороне литературного процесса, все более ощутимой потребностью обновления источниковедческой базы, введения в научный оборот новых имен, фактов и документов. Однако этот процесс обновления неизбежно ставит науку перед вопросом: как изучать творчество писателей, оказавшихся по своему таланту несоизмеримыми с классиками, как рассматривать и оценивать творчество тех, кого передвинули на обочину литературной жизни уже современники? Как быть с теми, кто не примыкал ни к какой литературной группировке, а по своим политическим взглядам в связи со сложившимися в российском литературоведении прежними приоритетами был относим к консервативному лагерю и соответствующим образом оцениваем? Решению этих вопросов помогает исследование творческой эволюции художников, развивающейся по собственным внутренним законам, но и отражающей общелитературные закономерности, что позволяет, в свою очередь, размышлять о творческой индивидуальности *каждого* писателя, так или иначе «наполняющей» содержание литературного *процесса*. Надо сказать, что такой точки зрения придерживался В.В.Розанов, видевший русскую литературу как сонм творческих индивидуальностей разного порядка, и В.Я.Брюсов, представлявший развитие поэзии как совокупность усилий авторов самого разного «калибра».

Таким образом, научная значимость работы Е.В. Никольского и продуктивность избранного им подхода не вызывают сомнений. Работа отвечает современным тенденциям историко-литературной науки и тесно связана с наметившимися

исследовательскими методиками изучения творчества «маргинальных» авторов. Более того, рецензируемая диссертация обновляет сложившиеся научные традиции, что ярко проявилось в корректной полемике автора с предшественниками, а также в подробном анализе истории вопроса – как источников, представляющих саму творческую эволюцию, так и исследовательских трудов, посвященных жанровой проблематике (автор опирается на изыскания В.И. Тюпы, Н.Л. Лейдермана, Н.Т. Тамарченко, В.Е. Хализева). Следует также упомянуть, что изучение наследия Вс. Соловьева потребовало от докторанта досконального знания работ по истории тех периодов, которые были отражены в творчестве писателя, углубления в богословский труды (т.к. перед нами писатель христианской ориентации), погружения в литературу, связанную с проблематикой оккультизма. Соискатель изучил и внимательно проанализировал все (к сожалению, не очень многочисленные материалы, посвящённые творчеству Всеволода Соловьёва, хотя, надо признать, что в последнее время этот писатель привлекает к себе все большее внимание – достаточно сказать, что это уже вторая докторская диссертация, построенная на материале его произведений). Особо следует отметить обращение докторанта к архивных материалам (некоторые из них вводятся в научный оборот впервые), и изучение им публицистических текстов самого Вс. Соловьева, затеянных в периодике 80-х годов.

Все выше сказанное получило развитие и обоснование во **Введении**, где дан обзор литературы, связанный с объектом и предметом исследования, показывается значимость проблемы для русской литературной традиции, устанавливается основа, на которой формируются структура и содержание исследования. Проявляя филологическую эрудицию, учтя оценки личности и творчества Всеволода Соловьева его современниками, труды отечественных литературоведов, Е. В. Никольский предпочел сконцентрироваться именно на литературной значимости наследия писателя, оставив в тени характеристику его социально-политических взглядов, что представляется достаточно обоснованным, поскольку они в меньшей степени повлияли на формирование исторической концепции писателя (хотя монархистские предпочтения автора «Юного императора», несомненно, прочиты-

ваются). Автор справедливо отметил лакуны в современном литературоведении: оставались неисследованными мистические «увлечения» писателя и отказ от них, не был решен вопрос о семейной хронике как особом типе романа и вкладе писателя в его оформление, имагологические аспекты его творчества также не привлекали должного внимания, как, впрочем, и его малая проза. И хотя впрямую Е.В.Никольский не оспаривает принадлежность Вс. Соловьева к массовой культуре, что было вынесено в заголовок докторской диссертации С.А Васильевой, и даже, на первый взгляд, соглашается с нею, ему ближе взгляд А.М.Грачевой о существовании многих литературных рядов в беллетристическом ареале словесности, в котором Вс. Соловьев занимает отнюдь не нижний ряд. В результате проведенных Е.В.Никольским разысканий можно утверждать, что «банальный беллетрист» на поверку таковым не оказывается. Как тут не вспомнить слова К.И. Чуковского, сказанные им в 1911 году, что расслоение литературы – это естественный процесс развития культуры: «...и у каждой этой литературы – свои приемы и принципы». И существует большой пласт «литературной середины», куда критик включил Г. Мачтета, Н. Олигера, Б. Лазаревского, О. Шапир и других. Вполне вероятно, что и Вс. Соловьев обитает в этой же «компании».

Композиция диссертации представляется логичной и убедительной. Особенно привлекательным выглядит распределение и разделение приоритетных тем и проблем по главам и параграфам, названия которых разнообразны и сразу же дают представления об их содержании. Автор «идет» от анализа произведений Вс. Соловьева на исторические темы, подчеркивая, что писателя интересовало в первую очередь «заполнение» белых пятен русской истории, а также «расшифровка» характеров тех героев, которые пребывали на вторых и третьих ролях. Взяв за образец валтерскоттовский вариант исторического романа, писатель углубляет его за счет достижений исторической науки своего времени, в первую очередь на исследования своего отца – историка С.М.Соловьева. Это позволило Е.В.Никольскому выявить как имеющуюся «перекличку» тем и интерпретаций, так и обнаружить определенные отступления от традиционных трактовок, что объясняется индивидуальным подходом писателя, четко выявляемом при нравст-

венно-философском освещении героев и исторической эпохи. В результате рождалось интереснейшее сопоставление исторических романов Соловьева-сына с исследованиями Соловьева-отца, размышление о соотношении в исторической прозе Вс. Соловьева художественного и документального начал и был сделан вывод, что в области исторической прозы, лишь на первой взгляде однообразной и типичной, писатель прошел сложный путь воссоздания исторических реалий: от первоначального историко-идеологического романа, наполненного множеством неточностей и анахронизмов, к нравоописательному и психологическому типам романа, «объединяющим» героя и его эпоху. Далее последовали более сложные и интересные жанровые образования – философско-мистико-исторический роман и семейная хроника.

Но богатство материала, привлекаемого автором диссертационного исследования, выявление многообразных источников, аналогий и параллелей являются по своему опасным прецедентом, ибо оппоненту очень хочется проявить свою эрудицию и выискать произведение, которое, по его мнению, послужило своего рода претекстом, но автору работы оно осталось неведомо. И такое удалось найти в петровском времени: это «Повесть об Александре, российском дворянине», которая прямо-таки напрашивается в качестве источника романа «Царское посольство» – ведь имя главного персонажа и некоторые характеристики европейского общества в обоих произведениях совпадают, что могло бы навести на интересные мысли.

Особенно удачным можно считать сформулированную и обоснованную Е.В. Никольским концепцию жанра романа семейной хроники. Стоит отметить, что в этом отношении автор находится во всеоружии: он ссылается на разработки российских, украинских, польских, американских и английских ученых. И на этой основе выстраивает аргументированную концепцию жанра, привлекая для анализа не только наследие Вс. Соловьева, но и классические модели этого жанра в творчестве писателей разных стран – В.Шишкова, М.Горького, Е.Н.Чирикова, Дж. Стейнбека, Т.Манна – вплоть до наших современников – Л.Улицкой, Б.Смолл, Б.Бирк, К.Маккалоу, и даже не очень известных М. Матиос,

С.Малкова, М.Каннегема. Особено интересно указание на «последователей» Вс. Соловьева в этом направлении – это Н.Северин и даже Д.С.Мережковский. Я бы дополнила этот ряд именами Е.А.Нагродской и дочери В.Крестовского Ольги. Обе написали многогеройные панорамные произведения под названием «Река времен» (первая в 1930, вторая в 1967 г.). Причем имя первой из них было бы очень уместно также при анализе мистической дилогии, поскольку Нагродская осваивает почти ту же самую проблематику – увлечение масонством в XVIII в. и одновременно пытается дать энциклопедию русской жизни во времена Екатерины II. Еще более уместно в этой связи было бы вспомнить о романе А.Ф.Писемского «Масоны» – ведь с его автором Вс. Соловьев был знаком лично. И хотя при разборе образа Калиостро в дилогии «Волхвы» и «Великий Розенкрайцер» упоминаются и Дюма-отец, и А.Толстой, и др. авторы, более детальная характеристика этого образа могла бы осуществиться при сопоставлении с произведениями зарубежных авторов. А мистические романы Бульвера-Литтона, историософский и авантюрный роман Яна Потоцкого «Рукопись, найденная в Сарагосе» могли бы высветить актуализацию авантюрного сюжета при решении важных философских проблем.

Собственно, указанные недочеты стали мне ясны при знакомстве с третьей главой работы, всесторонне анализирующей вариации мистической темы в творчестве Вс. Соловьева. В ней практически детально восстановлен духовно-религиозный путь писателя с его изначально православным воспитанием, а затем поддавшегося определенным сомнениям, обусловленным во многом эпохой, в которой оказались поколеблены основы православия и актуализировался интерес к мистическим окрашенным религиозно-философским исканиям, вовравшим в себя обширную сферу оккультных практик. Однако впоследствии Вс. Соловьев вернулся в лоно церкви. Это произошло под непосредственным покровительством Иоанна Кронштадтского, ставшего его духовником. Для объяснения этих метаний Е.В.Никольский обратился и к художественным текстам писателя, представляющим собою уже упоминавшуюся дилогию, и его публицистически-философским сочинениям, публиковавшимся на страницах его собственного печатного органа

«Север», и к его мемуарно-публицистической книге «Современная жрица Изиды», освещавшей обстоятельства его знакомства с Е.П.Блаватской и разочарование в деятельности теософского общества, а также «Святочным рассказам». Все вместе это позволило опять-таки сохранить наиболее ценный ракурс представленной работы: выявление творческой эволюции писателя сквозь призму жанровых исканий и жанрового разнообразия им созданного.

Обоснованно в этом контексте выглядит предположение Е.В.Никольского об Иоанне Кронштадтском как прототипе о. Николая в дилогии, что доказывается сопоставлением содержания проповедей первого и высказываний второго, сходством их образа мыслей и бытового поведения. В отношении же представления Блаватской как ординарной мистификаторши и авантюристки многое проясняет ее характеристика в статьях Владимира Соловьева, что неожиданным образом высвечивает общность во взглядах братьев на существующие проблемы и вопросы духовного развития общества, что обычно заглушается фиксированием их разногласий. В качестве соратника Вс. Соловьева как борца с отклонениями от христианского миросозерцания здесь выступает Достоевский, переписку с которым и его публицистические высказывания приводит автор работы.

Апелляция к святоотеческой литературе, сочинениям святителя и крупнейшего русского богослова, епископа Феофана Затворника позволяет Е.В.Никольскому дать всесторонний анализ образов дилогии, высветить путь религиозного обновления ее главного героя, князя Захарьева-Овинова. А сконцентрированность ее художественной идеи вокруг споров и столкновений оппонентов по религиозным вопросам дает ему возможность обозначить ее жанровую специфику, которую, вслед за М. Любомудровым, Е.В.Никольский склонен, видимо, определять как православный роман, хотя впрямую такой формулировки он избегает.

Однако именно этот аспект, подтверждаемый многочисленными ссылками на святоотеческую литературу, требовал более тщательного «проговаривания», ибо до сего времени остается не очень ясным: не оборачивается ли настойчивое проведение, пусть и позитивной идеи, осуждением эстетических достоинств про-

изведения? Насколько тенденциозность (а Вс. Соловьев писатель, несомненно, писатель тенденциозный!) вступает в противоречие с художественностью? Применительно к святочным рассказам писателя, ссылаясь на мнение исследователя этого жанра, Е.В. Никольский упомянул о возможном «терапевтическом воздействии» (с. 420) подобных текстов. Но нельзя ли поставить эту проблему шире и увидеть особую функцию христианско-ориентированной литературы, которая сложным образом взаимодействует с ее эстетическим качеством? Ведь явно начинается же пересмотр творчества таких «терапевтических» писателей и ищется иной угол зрения на такого рода художественную «продукцию».

И может быть, именно на фоне глубокой проработанности дилогии и публицистики Соловьева несколько скомканым выглядит анализ «святочных рассказов» писателя, которые явно не укладываются в границы «праздничных жанров» (святочного и пасхального) русской литературы, в теоретических аспектах которой Е.В. Никольский демонстрируют свою глубокую осведомленность, что и призвано подтвердить оригинальность и непохожесть соловьевских опусов на обозначившийся жанровый канон (отсутствие двойного объяснения, счастливого конца и пр.). Оригинально в этом отношении могли бы быть прочитаны и «Кавказские легенды», предлагающие несколько непривычный ракурс воссоздания жизни и быта народов Кавказа.

Безусловно, здесь Вс. Соловьев явился зачинателем жанра «тайныенной» фантастической литературы, сосредоточенной на описании ужасных проявлений сверхчувственного мира, не подвергаемого никаким логическим объяснениям. А из фразы автора диссертации: «Беллетрист <...> желал подготовить читателей к восприятию чудесного, стремился выйти за рамки обыденности, приобщиться к иной реальности» (с. 426) – следует, что Соловьев размывал границы жанров и в этом плане может даже восприниматься как новатор. Здесь в качестве резонирующих текстов можно было бы назвать «тайныенные повести» И.С. Тургенева, которые тоже положили начала целой ветви русской литературы, актуализировавшейся на рубеже XIX-XX веков.

Также несколько сомнительным выглядит перенос разговора (скажем прямо, заметок «мимоходом») о нравоописательных романах Вс. Соловьева, посвященных современности, в **Заключение**. Здесь неожиданно в методологию Е.В.Никольского вкрадся механицизм: он не усмотрел в романах «Наваждение», «Злые вихри», «Цветы бездны» следов эволюции писателя, заявив, что, раз прикоснувшись к какой-то проблеме, писатель к ней более не возвращался, и только на этом основании исключил их из основного текста. Но ведь, несомненно, что «Злые вихри» интереснейшим образом корреспондируют с пьесой Л.Толстого «Плоды просвещения» (и там, и там высмеивается увлечение спиритизмом), но одновременно Вс. Соловьев приравнивает и толстовство к той же самой поверхностной пустопорожней идейности, которой люди готовы подменить истинную духовность. Таким образом, выстраивается интереснейшая картина кросскультурных скрещиваний, взаимодействия/отталкивания от бытующих в обществе литературных и философских представлений. То же можно сказать и о «Цветах бездны», и о «Наваждении», и о «Русских крестоносцах»: в каждом из произведений исследуется поглощенность ложной идеей и крах, к которому может прийти ее носитель. То, что об этих произведениях говорится поспешно, более чем странно, тем более что в диссертации есть параграф, озаглавленный «Изображение и оценка повседневности в быто- и нравоописательных повестях Вс. Соловьева», и там было бы очень уместно порассуждать о жанровой специфике этой части прозы писателя. И апелляции к работам Н.Л.Вершининой, цитаты из которых неоднократно возникают в диссертации, была бы очень кстати. Впрочем, этот недостаток восполняется в опубликованных Е.В.Никольским статьях, посвященных конкретно этим произведениям и даже такой грани таланта писателя, как комизм.

Из недостатков, о которых считаю своим долгом сказать, бросились в глаза грубые нарушения правил при оформлении библиографического перечня статей и сносок, что имеет место в автореферате (и это помимо опечаток и стилистических погрешностей). То же можно обнаружить и в диссертации, в библиографический список которой, сам по себе очень обширный и весомый, некоторые тексты внесены по нескольку раз, что, естественно, увеличило количество позиций. Но

Е.В.Никольскому этого не требовалось – список и так предельно обширен. Кроме того, некоторые журналы упомянуты без обозначения номеров, что затрудняет использование подобной библиографии.

Это несколько снижает общее впечатление от очень достойной работы, которая, несомненно, внесет вклад в современное литературоведение. Поэтому смело можно заключить, что диссертация Е.В. Никольского – основательное научное исследование, новизна и оригинальность которого не вызывают сомнений. Автор сумел освоить максимально полный материал по избранной проблеме, нашел новые импульсы и подходы к изучению наследия малоисследованного автора в русле обнаружения элементов перестройки жанровой системы последней трети XIX века. Его вывод, что наблюдалось «тяготение к полилогичным формам» (с. 427), находит подтверждение в движении прозы и поэзии последующего времени, когда явно произошло усиление циклообразовательных процессов. Его исследование может найти практический выход при переиздании писателей «второго ряда» и их комментирования, а также при расширении пласта изучаемой литературы при чтении вузовских курсов. Кроме того, проблемно-тематическое богатство прозы Вс. Соловьева, нацеленность писателя на утверждение христианских идеалов и ощущение им опасности духовной смуты и ложности поиска опоры в новомодных мистических теориях может оказать существенную помощь в приобщении нашей молодежи к чтению, объяснит ей, что даже совершенствование личных качеств – разума, воли, – не осененное светом христианской любви, не способно сделать человека совершенным. Практическое применение сделанных наблюдений возможно именно в стенах школы, где стоит уделять большее внимание изучению литературно-религиозных связей.

Повторимся, указанные недостатки не влияют на качество работы, материал диссертации изложен логично и последовательно, чему способствует, в частности, продуманная структура работы. Автореферат дает полное представление о целях и задачах, решаемых в диссертации, основных положениях и результатах, полученных диссертантом в ходе исследования, в котором изложены научно обоснованные разработки, обеспечивающие решение важной задачи современно-

го литературоведения. Публикации Е.В.Никольского отражают основные положения диссертационного исследования. Следовательно, диссертация Е.В.Никольского на тему ««Проза Всеволода Соловьева: проблемы творческой эволюции», является самостоятельной научно-квалификационной работой, соответствует специальности 10.01.01 – Русская литература и отвечает требованиям п. 9 "Положения о порядке присуждения ученых степеней", утвержденного Постановлением Правительства РФ № 842 от 24 сентября 2013 года. Е.В. Никольский заслуживает присуждения степени доктора филологических наук по специальности по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Профессор кафедры истории русской литературы XX века
филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова,
доктор филологических наук, академик РАН.

М.В.Михайлова

